

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ

УДК 316.485.22

Р. А. Романов

ПРОТЕСТНЫЕ ПОТОКИ В ПРОСТРАНСТВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИИ И РЕТЕРРИТОРИАЛИЗАЦИИ*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена анализу влияния социального и физического пространства Петербурга на протестные потоки. Рассмотрены и проанализированы основные зоны притяжения протестных потоков в современном Петербурге, их влияние на драматургию протестных акций. Представлены описания детерриториализированной и ретерриториализированной моделей протеста в их связи с потоками в городском пространстве. Для расширения понятия детерриториализации и смежного с ним понятия ретерриториализации мы обращаемся к работам Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Также мы используем некоторые разработки Б. Латура. Пространства в нашей работе рассматриваются как соучастники протестной акции, влияющие на протестные потоки. Под протестным потоком мы понимаем любое перемещение символов, образов, идей, людей и предметов, а также непрерывные последовательности действий, направленных на выражение несогласия. В настоящее время работа с протестными потоками в Петербурге в большей степени ориентирована на их детерриториализацию и изоляцию, превращение их потоков в обыденные собрания людей. Логика расположения центров власти в современном Петербурге такова, что препятствует разворачиванию протеста по ретерриториализированной модели — освоение протестующими физического пространства по целому ряду причин затруднено. Реализованные по детерриториализированному сценарию протестные мероприятия направлены на исполнение функции психологической разгрузки, а не на диалог власти и протестующих. Это при определенных условиях может вызвать у протестующих желание воплотить в жизнь ретерриториализированную модель протеста, что с неизбежностью приведет к физическим столкновениям и конфликтам. Библиогр. 25 назв.

Ключевые слова: политический протест, политический активизм, потоки, социальное пространство, детерриториализация, ретерриториализация.

PROTEST FLOWS IN ST. PETERSBURG SPACE: THISNESS OF DETERRITORIALISATION AND RETERRITORIALISATION

R. A. Romanov

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article considered an analysis of the influence of social and physical space on the flow patterns of protest in St. Petersburg. We considered and analyzed the main areas attracting protest flows in

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 14-18-00359 «Сетевые и потоковые структуры неравенства в современном российском обществе».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

St. Petersburg and their influence on the dramaturgy of political protests. The article presents models of reterritorialised and deterritorialised protest in their relationship with the flows in urban space. To extend the concept of deterritorialisation and the related concept of reterritorialisation we turn to the works of G. Deleuze and F. Guattari. We also use some B. Latour texts. Space in our work is considered to be an accomplice of the protest action, affecting the flow of protest. With protest flow we mean any movement of the characters, images, ideas, people, and objects, as well as the continuous sequence of actions aimed at dissent. At present, protest flows in St. Petersburg are deterritorialised and isolated. Logical centre of power in modern St. Petersburg are such that they prevent protest from unfolding. Thus the model of reterritorialisation as the development of protesters' physical space is difficult for various reasons. Protest actions that enact the deterritorialized scenario are aimed at implementing the function of psychological relief, and not on the dialogue between the authorities and protesters. That under certain conditions can cause the protesters to reterritorialize the desire to implement a model of protest, which inevitably leads to physical confrontations and conflicts. Refs 25.

Keywords: political protest, political activism, flows, social space, deterritorialisation, reterritorialisation.

Введение: пространство протеста в социологической оптике

До недавних пор протест был неизбежно связан с физическим пространством: в конечном итоге именно в нем он и разворачивался. Протестующие собирались на Болотной площади в 2011 г., схватывались с ОМОНОм на Манежной площади в 2010 г., прорывались к Белому дому в 1991 г., скандировали лозунги на площади Тахрир в 2011 г., строили баррикады на Майдане Независимости в 2013 г. Можно вспомнить и более ранние случаи: рабочие строили баррикады на Васильевском острове в 1905 г., йиппи перед съездом Демократической партии в 1968-м собирались в чикагском Линкольн-парке, декабристы сосредоточивали свои силы на Сенатской площади в 1825-м, парижане штурмовали Бастилию в 1789-м. В пространстве наступали крестьянские армии, выстраивались баррикады, именно пространство оказывалось чем-то, подлежащим освоению. Иначе говоря, протест разворачивался в пространстве и на территории.

Между тем, для социологии и политической теории связь пространства, территории и протеста оставалась периферийным сюжетом. Классические теории революций предпочитали говорить о классовых противоречиях (К. Маркс и Ф. Энгельс), относительной депривации (Ч. Джонсон [1] и Т. Р. Гэпп [2]), коллективном действии (Ч. Тилли [3]), интеграции ценностей и символических порядков (Ш. Эйзенштадт [4]). Пожалуй, только у Пьера Бурдьё и Чарльза Тилли можно найти намеки на значимость физического пространства и территории: П. Бурдьё вводит концепцию «социального пространства», пытаясь проследить его в связи с пространством физическим, а Ч. Тилли дает возможность говорить о пространстве как об одном из типов ресурсов, нуждающемся в освоении протестующими [3, 5]. Несколько большее внимание физическому пространству уделялось специалистами из смежных (академической социологии и политологии) дисциплин, такими как военный теоретик Э. Люттвак [6] и теоретик гражданского ненасильственного сопротивления Д. Шарп [7]. Но и в их текстах физическое пространство выступает в большей степени как пассивный ресурс.

В современных российских исследованиях протеста пространство также отсутствует или задвинуто на периферию. Например, Б. Гладарев, анализируя градозащитное движение в Петербурге, во многом проблематизирующее именно качество и способ организации физического пространства, это самое пространство

Петербурга оставляет лишь декорацией третьего плана, на фоне и по поводу которой разворачивается протест [8]. С. Ерпылева и М. Кулаев в тексте с многообещающим названием «Митинги 2011–2012 годов: вернулась ли политика на улицу?» используют термин «улица» в качестве метафоры, сама же улица — как элемент инфраструктуры населенного пункта — в ее связи с протестом не упоминается [9]. Счастливым исключением можно считать работы антрополога Д. Громова, посвященные уличным акциям [10, 11].

Осмысля протестные потоки: логика детерриториализации и ретерриториализации

Исчезновение физического пространства из исследований протеста не удивительно. Сопоставление прошлых опытов протеста с его современностью приводит к выводу о важном изменении, произошедшем в области протестных технологий в информационном обществе с высокой плотностью коммуникаций. Если в доинформационную и раннеинформационную эпоху протестующие стремились к городским властным центрам в рамках реализации стратегии освоения символического и политического пространства как пространства физического, то в настоящее время протест чаще всего нацелен на преимущественный захват информационного и медийного пространства. Это изменение можно было бы охарактеризовать как детерриториализацию протеста. В настоящий момент термин «детерриториализация» часто встраивается в контекст теорий глобализации, например, у Э. Гидденса [12], З. Баумана [13, 14] или творческого дуэта М. Хардта и А. Негри [15]. Общий смысл таких рассуждений сводится к констатации разрыва между временем и пространством и изменений соотношения между пространством и местом/территорией (space and place). Вместе с тем мы считаем необходимым расширить представление о детерриториализации и обратиться к смыслам, вкладываемым в это понятие теми, кто и сделал его популярным, — Ж. Делезом и Ф. Гваттари [16, 17]. Детерриториализация предполагает изменение связи между пространством и территорией/местом, временем и действием — и в целом ослабление (пусть неравномерное, разорванное) роли пространства. Как показывает социология мобильности [18], из доминирующего, довлеющего, физическое пространство и конкретные территории превращаются в интенсивно осваиваемый ресурс. Однако Ж. Делез и Ф. Гваттари выстраивали концепт детерриториализации в намного более полисемантическом ключе. Во-первых, в их представлении детерриториализация находилась в непосредственной связи с параллельным процессом — ретерриториализацией. В этой логике, констатируя и наблюдая процессы детерриториализации, надлежит искать следующую за ней или параллельно с ней ретерриториализацию, понимаемую как просто возвращение значимости территории, уравнивание в правах символического и физического, так и пересборку ранее разобранных в процессе детерриториализации объектов. Во-вторых, колебания детерриториализации и ретерриториализации рассматривались в контексте капиталистической—антикапиталистической борьбы. Капитализм детерриториализует явления, объекты, процессы — все, что попадает в поле его деятельности. Антикапиталистический протест ретерриториализует то, что ранее разобрано в процессе капиталистических манипуляций, формируя новую укорененность и новые связи. Но чтобы детерриториализоваться, нечто уже должно

быть связано с территорией. Таким образом, в логике Ж. Делеза и Д. Гваттари, мы можем говорить о последовательности процессов территориализации, детерриториализации и ретерриториализации.

Аналогично мы могли бы описать и изменения протестных технологий. Долгое время протест был территориализирован. В доинформационное время, как бы и почему бы протест ни возник, протестующие стремились к политико-символическим городским центрам как к местам непосредственной дислокации власти имущих, чтобы очно выразить свое недовольство или — в крайних случаях — осуществить непосредственные акты физического насилия над представителями элит. Именно такой сценарий мог, с одной стороны, привлечь участников протестной акции, с другой — представлял собой наиболее рациональную стратегию в случае, если протестующие желали быть эффективными или хотя бы замеченными. Современность меняет приоритеты протестующих: теперь для того, чтобы быть замеченным, нужно создать яркое медийное событие, привлекающее внимание СМИ, провоцирующее волны реакций в Интернете. Протест из территориально укорененного *события* превращается в коммуникативный *поток*. Пространственно-территориальная локализация протеста становится важна преимущественно в своем символическом аспекте — как ресурс для формирования коммуникативных потоков, а следовательно, меняются принципы организации протестного события: местоположение уходит на второй план, на первый план выходят общая драматургия события (яркость лозунгов, выступлений, другие презентационно-эстетические моменты) и его массовость. Привлекающее внимание протестное событие уже совсем не обязательно должно происходить под окнами власти имущих, чтобы быть замеченным и эффективным. Захват того или иного места становится важным преимущественно в контексте последующей символизации, извлечения ресурса медийности, способности нагнетать насыщенность протестного коммуникативного потока — это становится особенно важно, если в протест вовлечено небольшое число участников: яркость может компенсировать массовость.

Если в развитии современного протеста наблюдается тенденция к детерриториализации, есть ли обратная тенденция — ретерриториализации — и какую роль она играет? Ответ на этот вопрос подсказывает опыт «арабской весны» и «оранжевых революций» на постсоветском пространстве: ретерриториализация в логике современного протеста чаще всего — шаг к обострению, к переходу протеста в острую, конфронтационную фазу. Если протестующие закрепляются на той или иной территории и ультимативно настаивают, что хотят находиться только здесь и только сейчас — это первый шаг к переходу в насильственную фазу борьбы за физическое пространство (соединенное, естественно, с пространством социальным). Протестующие выходят на площадь Тахрир или на площадь Независимости и настаивают, что хотят находиться здесь (и именно здесь) и будут находиться столько, сколько захотят. Подобные действия, очевидно, с высокой вероятностью вызывают недовольство властей — и протест неумолимо движется к силовой фазе. Таким образом, можно согласиться с Пьером Бурдьё: борьба за доступ и присвоение физического пространства может выступать в качестве политической борьбы [5, с. 56–59]. Контроль размещения протестных событий и протестных потоков для городских властей представляется важным ресурсом в организации политической жизни и общегородской системы безопасности.

Случай Санкт-Петербурга: протестные потоки и пространства-посредники

Выше мы высказали сожаление: физическое пространство и территория, на которой разворачивается протест, выходят за пределы социологического анализа — и обещали очертить перспективу возвращения пространств и территорий в эти пределы. Перспектива эта лежит, как нам кажется, в области применения разработанных Б. Латуром понятий *проводников* и *посредников* к анализу мест и территорий протеста. В терминологии Б. Латура, как раз и разработанной для анализа сетей и потоков, «*проводник* — это то, что переносит значение или силу, не преобразуя их: определения его входов достаточно для определения его выходов. (...) *Посредник* же не может рассматриваться просто как единица... (...) Исходя из того что имеется на входе посредника, никогда нельзя предвидеть, что будет на выходе; необходимо каждый раз учитывать специфику посредника. Посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы» [19, с. 58]. Итак, мы могли бы рассмотреть территории протеста не как проводники, не как пассивное место концентрации протестного потока, а как посредника, участника формирования протестного потока. Для этого стоило бы задаться вопросом: а может ли сама территория влиять на форму протестной активности? Возможно ли, что территория, на которой разворачивается протест, выступает не в пассивной роли фона или декорации, но как соучастник конкретной протестной акции, мешающий или помогающий протестному потоку? Ниже мы покажем это на примере Санкт-Петербурга, но сперва уточним последнее из неопределенных понятий — понятие протестного потока.

Под протестным потоком мы понимаем любое перемещение символов, образов, идей, людей и предметов, а также непрерывные последовательности действий, направленных на выражение несогласия. Как указывает Д. Иванов, поток может обладать тремя характеристиками: интенсивностью, плотностью и направленностью [20]. Комплексность понятия позволяет нам выделять в потоке как смысловую, так и материальную компоненту, однако, по замечанию Р. Шилдса, в конечном итоге поток всегда материален [21]. Детерриториализированный протестный поток может быть исключительно коммуникативным, смысловым и распространяться в медийной и, шире, виртуальной среде. Но при наличии ретерриториализированной компоненты, поток проходит через конкретные территории и собирается в конкретных местах в виде физических человеческих тел. Если Б. Латур для объяснения концепции проводников и посредников и своего подхода к анализу групп предлагает вернуться «назад к Тарду», то для понимания материальной стороны протестных потоков имеет смысл обратиться к Г. Лебону [22] и Э. Канетти [23]. Каким же образом встроены протестные потоки в пространство Санкт-Петербурга и как оно влияет на эти потоки?

Санкт-Петербург обладает глубокими историко-культурными связями с темой протеста, восстания, революции: прижившийся в советской культуре речевой штамп часто так и характеризовал его — «город трех революций». Будучи спроектирован как парадный имперский город, Петербург обладает не только парадным лицом, но и вторым — протестным. Протестные действия так или иначе разворачиваются в социальном и физическом пространстве Петербурга, а протестующие вынуждены бороться за присвоение этого пространства. Опыт крупнейших

в истории Петербурга протестных событий — революции 1905 г., февральского и октябрьского восстаний в 1917-м — показывает, что каждый раз они осуществлялись как прорыв протестующих с городской периферии в центр: символический, политический и географический. Существует мнение, что если бы во время Февральской и Октябрьской революций рабочим с окраин Петрограда не удалось бы физически прорваться в центр города, революции могло бы и не быть [24].

Главное свойство протестных потоков в современном Петербурге — отстраненность как от мест физического размещения центров власти, так и от мест, испытывающих на себе потоки другого рода (пешеходные, туристические и т. п.). Протестные потоки в Петербурге детерриториализированы, оторваны от классической территориальной протестной логики — и не в последнюю очередь на это влияет как расположение властных центров, так и логика организации официальных мест для протеста.

Само размещение главного административного центра Санкт-Петербурга в здании Смольного института подчеркивает предельную отстраненность, отгороженность власти от возможных протестных потоков. Смольный находится на границе между историческим центром Петербурга и промышленной зоной, он удален от станций метрополитена: ближайшими к администрации являются станции метро «Чернышевская» (более 2 км), «Площадь Александра Невского» и «Площадь Восстания» (каждая по удаленности — чуть менее 3 км). Человеческие потоки в районе Смольного формируются за счет приезжающих на автобусах туристов и сотрудников размещенных вокруг организаций. От ближайшей площади Пролетарской Диктатуры здание городской администрации отгорожено окруженным забором сквером с двумя узкими проездами, а сама площадь Пролетарской Диктатуры — площадь с интенсивным автомобильным движением. С противоположной стороны здание администрации выходит на набережную Невы. Фактически в Петербурге центр городской исполнительной власти расположен в соответствии с законами средневековой фортификации — это зонированная укрепленная точка на берегу реки. Использование набережной реки Невы с одной стороны и умело организованный искусственный ландшафт с другой стороны отчетливо намекают на крепость и чрезвычайно затрудняют даже случайное массовое скопление людей под его стенами. Протестующим тут просто негде собираться, а если они все же на это решатся, само пространство подталкивает их к радикальным, несанкционированным, силовым формам протеста. Территория вокруг центра исполнительной власти в Петербурге организована так, что массовой протестной акции, протекающей по неконфликтному сценарию, здесь негде собираться, а акция с небольшим числом участников или не привлечет достаточного медийного внимания, или — в случае необходимости — может быть легко изолирована силами правоохранительных органов, а попытки массового прорыва к Смольному из других районов города — перехвачены.

Сложившаяся в Петербурге протестная практика подтверждает сказанное выше. Единственная форма протестных вкраплений, почти уже вошедшая в рутинный сценарий повседневной жизни у Смольного, — одиночные пикеты. За последние годы можно вспомнить только две попытки организовать протестное мероприятие у Смольного: в марте и декабре 2011 г. — они были быстро пресечены правоохранительными органами.

Законодательное собрание Петербурга, размещенное во входящем в ансамбль Исаакиевской площади Мариинском дворце, намного более открыто для проведения протестных акций: оно находится в сердце исторического центра, в шаговой доступности от нескольких станций метро, доступ к самому зданию по сравнению со Смольным организован существенно свободнее. Кроме того, использование Исаакиевской площади для народных собраний в большей степени вписано в сложившуюся городскую традицию: здесь устраивают в том числе и неполитические культурно-массовые мероприятия. Протестные акции также притягиваются к Законодательному собранию: от крупных демонстраций по официальным праздникам до небольших пикетов или протестных ассамблей, проходящих в Исаакиевском сквере. Здесь не только можно выразить свой протест: время от времени это место становится зоной общения протестующих и городских депутатов — в тех случаях, когда локализованный поток протестующих пересекается с потоком следующих на работу депутатов. С учетом факта, что ни расположенный в Санкт-Петербурге Конституционный суд РФ, ни городские суды и прилегающие к ним территории не включены в регулярный протестный репертуар в качестве зон, притягивающих протестные потоки, можно утверждать, что Исаакиевская площадь с расположенным на ней Законодательным собранием — почти единственная точка, в которой регулярно осуществляется ретерриториализация протеста и где физическое присутствие объектов власти выступает в относительно открытой форме для протестных потоков.

Тем не менее основные протестные потоки вот уже несколько лет как удалены в Петербурге от мест физической концентрации власти и вынесены в условно изолированные зоны. Можно выделить пять территорий, притягивающих к себе потоки протестующих:

- 1) Марсово поле (официальный «гайд-парк» Петербурга¹);
- 2) Площадь Сахарова;
- 3) Пионерская площадь;
- 4) Комсомольская площадь;
- 5) Малая Садовая улица (частое место несанкционированных стихийных сборов).

Обратим внимание, кроме Марсова поля в Петербурге существует еще четыре так называемых «гайд-парка»: в соответствии с региональным законодательством это места для не требующих разрешения политических акций численностью до 100 человек. Они выделены в парках: Удельном (300 м от станции метро «Удельная»), Полюстровском (3,5 км от станции метро «Ладожская»), Южно-Приморском (4,4 км от станции метро «Проспект Ветеранов»), а также в саду 30-летия Октября (1,7 км от станции метро «Площадь Александра Невского»). Ни одно из этих мест не превратилось в регулярную точку притяжения протестных потоков. Очевидно,

¹ Действующее законодательство Санкт-Петербурга определяет специально отведенные места — так называемые «гайд-парки» — для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также массового присутствия граждан для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера. Более детально с юридическими особенностями регулирования массовых мероприятий в Санкт-Петербурге можно ознакомиться в докладе Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге [25].

протестующие не научились использовать ресурсы окраин города для создания эффективных и драматургически эффектных протестных детерриториализованных событий. Кроме того, физическая удаленность «гайд-парков» от основных человекопотоков и станций метрополитена физически усложняет перемещение протестующих в эти места, а включенность их в контекст «зон отдыха» создает дополнительное символическое затруднение, обыгрывать которое в детерриториализованной медийной логике протестующие пока не умеют.

Небольшое исключение представляет Комсомольская площадь в Кировском районе — ее городские власти периодически предлагают для проведения мероприятий некоторым националистическим организациям. Те собираются у метро «Автово» и, проходя по второстепенным улицам, выходят на Комсомольскую площадь, митингуя у памятника Героическому Комсомолу.

Все перечисленные выше зоны притяжения протестных потоков обладают рядом общих характеристик. Во-первых, они изолированы и удалены от центров физического расположения органов власти. Во-вторых, они удалены от простых уличных человекопотоков. В-третьих, полицейская изоляция таких мест осуществляется без особого труда. В-четвертых, часть этих зон размещает потоки в специфические культурно-символические контексты. Ретерриториализованный протест, концентрируя потоки у мест физического присутствия власти, реализует драматургическую модель явного напоминания и скрытой угрозы. Детерриториализованный протест, вынесенный в изолированные локации, такую модель может реализовать опосредованно, с помощью медийно-информационной работы.

Собранные на Марсовом поле, на Пионерской площади, на площади Сахарова и в прочих местах протестующие лишены возможности демонстрировать свой протест напрямую, потому что его некому демонстрировать: единственными зрителями являются сотрудники органов правопорядка и другие участники акции. Зачастую количество участников меньше, чем количество полицейских, — и тогда для стороннего наблюдателя мероприятие выглядит в принципе как собрание полицейских. Любопытно, что единственное место, которое протестующие часто выбирают сами для несанкционированных собраний — Малая Садовая улица, — представляет собой почти идеальный пример изолированного места в центре города, собираясь в котором протестующие добровольно самоизолируются.

Заключение

Подведем основные итоги. Несмотря на то что фактически сам протест в большом количестве случаев разворачивается в пространстве и на территории, связь протеста и пространства оставалась до недавнего времени для социологии периферийным сюжетом. Мы указали, что некоторые намеки на значимость физического пространства можно было найти у П. Бурдьё и Ч. Тилли, а также у исследователей, работающих в смежных с социологией направлениях — у военного теоретика Э. Лютвака и политолога Д. Шарпа. Аналогичная картина наблюдается и в российских исследованиях.

Мы объясняем такое невнимание к физическому пространству не только общесоциологическими внутринаучными трендами (чего не было, например, в антропологии), но и происшедшей на протяжении второй половины XX в. детерри-

ториализацией протеста. Для расширения понятия детерриториализации и смежного с ним понятия ретерриториализации мы обращаемся к наследию Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Также мы применяем разработанную Б. Латуром концепцию *проводников* и *посредников* к анализу мест и территорий протеста и пытаемся рассмотреть протестные пространства Петербурга именно как посредников, то есть как то, что преобразует и искажает передаваемые сигналы или их элементы. Пространства в рамках нашей работы рассматриваются как соучастники протестной акции, влияющие на протестные потоки. Под протестным потоком мы понимаем любое перемещение символов, образов, идей, людей и предметов, а также непрерывные последовательности действий, направленных на выражение несогласия.

В настоящее время работа с протестными потоками в Петербурге в большей степени направлена на их детерриториализацию и изоляцию, превращение из собственно потоков в обыденные собрания людей. Логика расположения центров власти в современном Петербурге такова, что препятствует разворачиванию протеста по ретерриториализированной модели — освоение протестующими физического пространства по целому ряду причин затруднено. Реализованные по детерриториализированному сценарию протестные мероприятия в большей степени направлены на реализацию функции психологической разгрузки, нежели на возможный диалог власти и протестующих, что при определенных условиях может вызвать у протестующих желание реализовать ретерриториализированную модель протеста и предъявить права на формально выключенные из дозволенных зон протеста территории, что с неизбежностью приведет к физическим столкновениям и конфликтам.

Литература

1. Johnson C. A. *Revolutionary Change*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1982. 217 p.
2. Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют? СПб.: Питер, 2005. 461 с.
3. Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. London: Addison-Wesley Publishing Company, 1978. 349 p.
4. Эйзенштадт Ш. Н. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А. В. Гордона под ред. Б. С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
5. Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
6. Люттвак Э. Н. Государственный переворот: Практическое пособие / пер. с англ. М.: Изд-во Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 326 с.
7. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
8. Гладарев Б. «Это наш город!»: анализ петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия // Городские движения в России в 2009–2012 годах: на пути к политическому / под ред. К. Клеман. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 544 с.
9. Ерпылева С., Кулаев М. Митинги в России 2011–2012 годов: вернулась ли политика на улицу? // Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов: Коллективная монография / Алюков М. Л., Ерпылева С. В., Желнина А. А., Журавлев О. М., Завадская М. А., Клеман К., Магун А. В., Матвеев И. А., Невский А. В., Савельева Н. В., Туровец М. В.; ред. Ерпылева С. В., Магун А. В. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 480 с.
10. Громов Д. В. Уличные акции (молодежный политический активизм в России). М.: ИЭА РАН, 2012. 506 с.
11. Громов Д. В. Социокультурный анализ протестного движения зимы 2011–2012 гг. // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 109–125.
12. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.
13. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

14. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
 15. Хардт М., Негра А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
 16. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
 17. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, М.: Астрель 2010. 895 с.
 18. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
 19. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
 20. Иванов Д. В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 20–30.
 21. Shields R. Flow as a New Paradigm // Space and Culture. 1997. № 1. P. 1–7.
 22. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011. 238 с.
 23. Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л. Ионина; ред. И. Борисова. М.: «Ad Marginem», 1997. 528 с.
 24. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде / пер. с англ.; общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. М.: Прогресс, 1989. 416 с.
 25. Доклад Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге за 2014 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге. URL: http://ombudsmanspb.ru/files/files/doklad_2014/DOKLAD_2014_site_last.pdf (дата обращения: 17.12.2015).
- Для цитирования: Романов Р. А. Протестные потоки в пространстве Санкт-Петербурга: особенности детерриториализации и ретерриториализации // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 2. С. 6–16. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.201

References

1. Johnson C. A. *Revolutionary Change*. Stanford, Calif., Stanford University Press, 1982. 217 p.
2. Garr T. R. *Pochemu liudi buntuiut? [Why men rebel?]*. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 461 p. (In Russian)
3. Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. London, Addison-Wesley Publishing Company, 1978. 349 p.
4. Eizenshtadt Sh. N. *Revoliutsiia i preobrazovanie obschestv. Srovnitel'noe izuchenie tsivilizatsii [Revolution and the Transformation of Societies: a comparative study of civilizations]*. Moscow, Aspekt Press, 1999. 416 p. (In Russian)
5. Burde P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of social space]*. St. Petersburg, Aletejja Publ., 2005, 288 p. (In Russian).
6. Liutvak E. N. *Gosudarstvennyi perevorot: Prakticheskoe posobie [Coup d'État: A Practical Handbook]*. Transl. from English. Moscow, Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke Publ., 2012. 326 p. (In Russian)
7. Sharp D. *Ot diktatury k demokratii: Strategii i taktika osvobodzheniia [From Dictatorship to Democracy, A Conceptual Framework for Liberation]*. Transl. from English by N. Kozlovskaya. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2005. 84 p. (In Russian).
8. Gladarev B. «Eto nash gorod!»: analiz peterburgskogo dvizheniia za sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediia ["This is our city!": analysis of the St. Petersburg movement for the preservation of historical and cultural heritage]. Ed. by Karin Kleman. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 544 p. (In Russian).
9. Erpyleva S., Kulaev M. Mitingi v Rossii 2011–2012 godov: vernulas' li politika na ulitsu? [Rallies in Russia in 2011–2012 years: is the politics back on the street?]. *Politika apolitichnykh: Grazhdanskie dvizheniia v Rossii 2011–2013 godov [Politik of apolitical: Civil movement in Russia 2011–2013 years]*: kollektivnaia monografiia. Aliukov M. L., Erpyleva S. V., Zhelnina A. A., Zhuravlev O. M., Zavadskaja M. A., Kleman K., Magun A. V., Matveev I. A., Nevskii A. V., Saveleva N. V., Turovets M. V.; eds S. V. Erpylev, A. V. Magun. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 480 p. (In Russian)
10. Gromov D. V. *Ulichnye aktsii (molodezhnyi politicheskii aktivizm v Rossii) [Street actions (political activism of youth in Russia)]*. Moscow, IJeA RAN Publ., 2012. 506 p. (In Russian).

11. Gromov D.V. Sotsiokul'turnyi analiz protestnogo dvizheniia zimy 2011–2012 gg. [Social and cultural analysis of winter protest movement in 2011–2012 years]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 2, pp. 109–125. (In Russian).
12. Giddens E. *Posledstviia sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Transl. from English by G. K. Ol'hovikov, D. A. Kibal'chich. Moscow, Izdatel'skaja i konsaltingovaja grupa "Praksis", 2011. 352 p. (In Russian).
13. Bauman Z. *Tekuchaia sovremennost'* [Liquid Modernity]. Transl. from English. Ed. by Ju.V. Asochakov. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (In Russian).
14. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Transl. from English. Ed. by V.L. Inozemcev. Moscow, Logos, 2005. 390 p. (In Russian).
15. Khardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voina i demokratiia v epokhu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow, Kul'turnaja revoliucija Publ., 2006. 559 p. (In Russian).
16. Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktorija Publ., 2007. 672 p. (In Russian).
17. Delez Zh., Gvattari F. *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktorija Publ., Moscow, Astrel' Publ. 2010. 895 p. (In Russian).
18. Urri Dzh. *Sotsiologiia za predelami obshchestv. Vidy mobil'nosti dlia XXI stoletiiia* [Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century]. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. 336 p. (In Russian).
19. Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembling the social an introduction to actor-network-theory]. Transl. from English by I. Polonskaya; Ed. by S. Gavrilenko; Nac. issled. un-t "Vysshaja shkola jekonomiki". Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2014. 384 p. (In Russian).
20. Ivanov D.V. K teorii potokovykh struktur [Towards flow-structures theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2012, no. 4, pp. 20–30. (In Russian).
21. Shields R. Flow as a New Paradigm. *Space and Culture*, 1997, no. 1, pp. 1–7. (In Russian)
22. Lebon G. *Psikhologiia narodov i mass* [Peoples and masses psychology]. Moscow, Akademicheskiiy proekt Publ., 2011. 238 s. (In Russian).
23. Kanetti E. *Massa i vlast'* [Crowds and Power]. Transl. from Germany by L. Ionin. Ed. by I. Borisov. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 528 p. (In Russian)
24. Rabinovich A. *Bol'sheviki prikhodiat k vlasti: Revoliutsiia 1917 goda v Petrograde* [The Bolsheviks Come To Power: The Revolution of 1917 in Petrograd]. Transl. from English. Ed. and an epilogue by G. Z. Ioffe. Moscow, Progress Publ, 1989. 416 p. (In Russian).
25. Doklad upolnomochennogo po pravam cheloveka v Sankt-Peterburge za 2014 god [Report of the Human Rights Ombudsman for Saint Petersburg on the human rights situation in Saint Petersburg in 2014]. *Ofitsial'nyi sait Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Sankt-Peterburge*. Available at: http://ombudsmanspb.ru/files/files/doklad_2014/DOKLAD_2014_site_last.pdf (accessed: 17.12.2015).

For citation: Romanov R. A. Protest flows in St. Petersburg space: thisness of deterritorialisation and reterritorialization. *Vestnik SPbSU. Series 12. Sociology*, 2016, issue 2, pp. 6–16.
DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.201

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2016 г.;
рекомендована в печать 27 апреля 2016 г.

Контактная информация:

Романов Роман Анатольевич — кандидат социологических наук, ассистент;
romanov.roman@gmail.com
Romanov Roman A. — PhD, assistant; romanov.roman@gmail.com